

Ойген Эбергард

Речи о Всеотце

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 2-15
ББК 86.3(4Гер)
Э13

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Портал «К Другому Мифу»
www.askrsvarte.org

Эбергард, О.

Э13 Речи о Всеотце. — М.: Тотенбург, 2025. — 202 с.

*Философская теология и герменевтика фигуры главы
германо-скандинавского пантеона Одина-Всеотца.*

В основе книги цикл лекций Евгения Нечкасова «Фигура Всеотца».

16+

УДК 2-15
ББК 86.3(4Гер)

© Нечкасов Е. А.

(Ойген Эбергард), 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

Речи

Слово о нашей речи	4
Речь о времени	42
Речь о жертве Всеотца	54
Речь о людях	96
Речь о боли	123
Речь о Всеотце-безглавце	168
Речь об отрешенности	178
Слово об авторе	189

*Традиция есть усилие
и дальше будет только хуже.
Для героя эти слова звучат
как пьянящий призыв к подвигу.*

ПІЅЯ ПМС РХМІІІУ

I

Слово о нашей речи

В мифе Всеотец дарует людям дух, вдохновение, экстаз, язык и поэзию. Ценой жертвы самого себя, ценой обмана, риска и крови. Этих даров уже достаточно, чтобы произнести ответные речи в его честь.

Книга, которую вы держите в руках, говорит о Всеотце в традициях германо-скандинавского мифоса, немецкого мышления, рейнского мистицизма и апофатической теологии, философской герменевтики, лингвистики и мифопоэтики. Говоря о Всеотце, мы вступаем в диалог и полемику с иными традициями, мы вовлекаем в наш разговор Эрнста Юнгера, Мартина Хайдеггера, Жоржа Батая, Майстера

Экхарта и Иоганна Таулера, и других поэтов, классических мистиков и мыслителей из разных эпох и пространств.

В конце концов, и в сумме всего, — эта книга *говорит моим голосом*.

Голос — *Stimme* — есть ведущий лейтмотив, тональность тальхарпы и настрой, глубинное настроенное сказа и мышления, *Stimmung*. Долгий сустейн, затухающий сквозь скуку и обрывающийся цезурой. И другого голоса о Всеотце вы здесь не услышите.

Эти речи и обрисованный путь мышления — для одного. Вопреки другим нашим работам, эта не является приглашением для дальнейших совместных размышлений, диалогов или предложением следовать за нами по этому же пути. Эти речи — подобны каменным памятникам, оставленным на разных тропах, перевалах и пустошах. Они будут ценны только тем, кто по своему настрою перейдет на другой берег одиноческого мифоса. Для иных эти милевые тексты во многом останутся немymi.

Возникает справедливый вопрос — может ли быть единоверцем тот, кто видит Одина иначе? Определённо можно утверждать, что Всеотец многолик; но почитание разных его ликов ещё не означает общей веры. Единоверчество на наивных основаниях следует отрицать как форму слепоты на оба глаза.

Один есть покровитель путников и сам есть истинный странник. Его почитали те, кто отправлялся

за удачей в море, — где твердь корабля есть единственная щепка жизни посреди чистой стихии не моря, но смерти. Без гарантий найти свою удачу и даже самой иной берег. Странствие по земле может показаться более надежным предприятием, но это лишь иные, более изощрённые покрывала всё той же смерти. Не столь явные, но столь же всеохватные.

Метафора Одина-Вегтама, забредшего слишком далеко от своих земель, — одна из ключевых для нас. Великий Странник, который шлёт своих воронов с вестями назад, туда, где людей — поэтов и мыслителей, чутких до чудных вороновых сказов о странных землях, — становится всё меньше и меньше. Вороны кричат и гаркают над склоненными головами людей, любующихся в чёрные зеркала. Жители базарных площадей более не понимают языка вещих птиц.

Земли *Weltschmerz*, в час *Weltnacht* — вот через какие пустоши нашими стопами странствует Всеотец. Истинно и справедливо сказать, что понимание наших речей — требует усилия, разжигания огня духа и языка, глубины и остроты ума, требует боли и чуткости, требует отрешённости.

Что же мы оставляем на том старом, нищем берегу? Об этом можно лаконично сказать следующее.

Мы оставляем тех, кто заглушает свой метафизический вопрос и боль игрой в возрождение, реставрацию и *ре-конструирование* традиций. Путь и ме-

тоды реконструкции таят в себе вполне очевидные опасности и претензии. Большую часть источников по аутентичным европейским, и не только, традициям составляют христианские апологетические и сектоборческие тексты. Помимо фактов и свидетельств, они содержат и откровенную ложь, наветы, преувеличения и очевидно негативно расставленные акценты. Восстановление традиции с опорой на христианские или исламские поучения против многобожников — ведёт только к созданию пародии на саму традицию, так как эти источники априори предвзяты и скомпрометированы религиозной ненавистью.

Тем не менее, из миссионерских и паломнических описаний берёт свои сомнительные корни ранняя этнография как, наверное, одна из наиболее часто привлекаемых научных дисциплин и источниковая база для погружения в ту или иную традицию. Исторический переход на светские позиции в фольклористике (начиная с Я. и В. Гримм), этнографии, археологии, антропологии и лингвистике отбросил и исправил ряд существенных религиозных искажений и подделок. Но присущая эпохе Просвещения опора на научную рациональность и методы не является гарантом и положительной характеристикой для сторонников сакроцентризма и мифопоэтики. Происходит замена одной, открыто ангажированной позиции, на другую, более завуалированную. Светские ученые относятся к сохранившемуся наследию

традиции как к внешнему для них объекту изучения, тем самым упуская из виду множество важных для верующих акцентов и осевых линий. Либо навязывая и набрасывая на корпус традиционного знания и жизни совсем чуждые классификации, историографию и сетки интерпретаций. Прямо говоря: сами исследователи являлись и являются носителями или открытыми приверженцами современных эпистем и конкретных социально-политических теорий и идеологий — методы, ценности и аффекты которых они переносят в свои исследования древнего мира; т. е. смотрят на традицию через определённую призму. Тем самым священное зерно и «фабула мифоса» не только остаются непрояснёнными, но и ещё более загромождёнными и сокрытыми.

Иной общий родовой изъян научного метода внутри идеологии прогресса — устаревание научного знания и степени его достоверности. Обновление данных с одной стороны, и идеологическое давление вследствие социально-политического развития общества с другой, — ведут к построению новых, более прогрессивных теорий и пересмотру описательных моделей предыдущих эпох. Таким образом, современная иллюзия «объективного знания» в сфере гуманитарных наук превращается в постоянные идеологизированные, напрямую через политику либо косвенно через научный метод,

пересборки и сосуществование различных и альтернативных парадигм и картин мира.

Подход к традиции превращается в своего рода социально-лабораторный эксперимент с требованием подтверждения результата. Либо с требованием соответствия описательной модели и практикуемой в жизни религиозности с преобладающей в обществе этико-политической повестке. Всю проблемность такого научноцентричного, этнографического фундамента для возрождения традиции можно показать весьма наглядно.

Представим себе верующего [нео]язычника или традиционалиста, который на заре своего становления усваивает конкретную картину мира, с присущими ей календарём, набором мифологем, ритуалов, празднеств и т. д. С ходом времени он углубляется в тему, осваивает аутентичный язык своей традиции, изучает множество монографий, средневековых и более древних источников, археологические находки и гипотезы их интерпретаций, и, наконец, обнаруживает существенное расхождение новых данных с той картиной мира, с которой он начал и в рамках которой он обращался к Божествам и духам все предыдущие годы. Он обновляет данные и проводит кардинальную ревизию, создавая новую описательную картину мира, с новым календарём, где какие-то даты и праздники вовсе выброшены («как позднее наслоение»), а какие-то мифологемы

наоборот добавлены («в связи с вновь открывшимися этимологическими и археологическими обстоятельствами»), и т. д. И объявляет эту модель наиболее аутентичной. Спустя несколько лет ситуация повторяется, получается уже третья, ещё более исправленная и дополненная картина мира.

И суть здесь не в том, чтобы установить, какая из описательных моделей (картин мира) наиболее верная, — первая, вторая или *n*-ная, — а в порочности всего подхода в целом.

Первое, что бросается в глаза, — это почти прямая аналогия такого подхода к традиции с практикой регулярной установки обновлений программного обеспечения на компьютере и мобильных устройствах. Без обновлений приложения и операционные системы «морально устаревают» и не работают; не соответствуют идеологии прогресса.

Второе, и важнейшее, — это обнуление предыдущего опыта сакрального и признание его ложным. Ибо, когда такой адепт предъявляет себе и миру обновлённую и исправленную версию традиционной картины мира, чисто логически вытекает следствие, что его предыдущие практики и установление связи со священным (*re-ligare*) были построены на ошибочном фундаменте, а значит ложными. Это требует от адепта прямого отрицания и признания предшествующего сакрального опыта

как иллюзии и психологического аффекта, а не подлинного богообщения и т. п.

Ещё одно следствие — отсутствие гарантий, что уже новый опыт, в рамках обновленной «сакральной картины мира», не будет точно так же выброшен на свалку при следующем обновлении археологических и исторических данных о традиции.

Иной пример так же показывает нам границы и тщетность применимости только реконструкторского подхода и методологии к восстановлению традиции, а именно — бесплодность возрождения традиции на гипотетически реконструируемых языках и мифологемах, таких как протоиндоевропейский или прагерманский. Из-за большого количества лагун, гипотетичности звучания и отсутствия *façon de parler* — с учетом огромной роли, которую язык и говорение играют в структуризации мышления ещё на этапе младенчества, — на этих языках невозможно говорить утвердительно и в полную силу голоса. Дополнительно к этому следует прямо указать на ошибочность поиска некоторой ур-традиции в исторической и материальной плоскости, следуя правилу «чем древнее — тем лучше», которое является лишь инверсией всё той же прогрессивной шкалы. Исток любой традиции следует искать в метафизических высотах и глубинах и только.

Историко-этнографический подход приводит к превалированию формы над содержанием, даже

если эта форма открыто декларируется как *гипотеза современных исследователей и только*. То есть является спекулятивным построением и, по сути, пеплом на месте давно угасшего очага. Это порождает сугубо схоластических верующих, которые внутри своего мышления всегда остаются плоть от плоти носителями ментальных структур модерности.

Если верующий в германо-скандинавских Божеств видит своим идеалом эпоху Бронзы либо Средневековье, то единственный способ «возродить» язычество той поры и стать его частью — *это буквально родиться в эпоху Бронзы или в Средневековья*. Соответственно, люди, которые утверждают, что обладают безукоризненными методами и знаниями как именно возродить «то самое скандинавское язычество IX или XIII века» во всей полноте соответствия широкому спектру источниковой базы — но при этом делающие это на фоне современного нам XXI века (с присущими ему бытом, мыслительными структурами, социальным и индустриально-урбанистическим природным ландшафтами и т. д.), — в лучшем случае занимают наивным самообманом.

Сей подход имеет и свои христианские корни, подобно тому, как Библия является главным источником и мерилom истины для богословов и мистиков. Честный и искренний христианский автор всегда скажет, что любое его построение или мысль, если она противоречит слову и духу Святого Писа-

ния, должна быть отброшена и забыта как ложная. И наоборот, соответствие каноническим взглядам и догмам лишь укрепляет экзегезу и толкования. За Библией прямо закрепляется право проверять и исправлять саму традицию, чтобы она не имела отклонений. В нашем же случае место Библии занимает даже не какой-либо корпус мифологических текстов, будь то Старшая Эдда или Эдда Снорри, — а пересобираемый и обновляемый корпус внетрадиционных данных и академических *мнений* из целого набора связанных наук. Вслед за Гераклитом мы повторяем, что нельзя войти дважды в одну и ту же реку истории, поэтому любая реконструкция любой эпохи априори является её интерпретацией и только. Но чаще реконструкция традиции оказывается просто миражом и пародией. Гербарием опавших листьев с давно умерших деревьев леса традиций, которые выдаются за сочную полноту жизни. Поэтому, если кого-то невероятно привлекает традиция далеких прошлых веков — *они должны родиться там и тогда*; возможно, в одной из следующих жизней. В противном случае необходимо честно признать целый континент исторического различия между прошлым и нами настоящими, признать невозможность исповедовать ту прошлую традицию *во всей её полноте и тотальности*, вплоть до бытовых мелочей и пейзажей за окном, — и ставить вопрос о возможности и проблемных путях к священному каким-то *иным образом*.

Мы оставляем тех, кто смысл «жизни в традиции» и постижение «мудрости» видит в важности споров о зоологических и ботанических соответствиях в мифологии. Сие есть ещё одна завуалированная разновидность атеистического и натуралистического подходов к пониманию традиции, суть которого сводится к тому, что древние люди фактически были материалистами. А за высокой мифопоэтикой скрывалась не онтологическая глубина и мощь песенного слова и мифопоэтического бытия-в-мире, — но только лишь описание окружающей природы и редукция Божеств до природных же явлений и т. п. Схожие воззрения можно обнаружить в ранних религиозно-теологических теориях.

Безусловно, изыскания на эту тему обогащают наши знания о языках, поэтических приемах, употребляемых метафорах и семантических границах слов и тропов. Но сущностно, возведение метода в абсолют и провозглашение выводов на его основе истиной — порочно.

Яркие примеры здесь — споры о родовой или видовой принадлежности Мирового Древа Иггдрасиля или кошек, запряжённых в колесницу Фрейи. Хотя спорных случаев, где проявляется описываемая нами логика, гораздо больше.

Постановка проблемы отталкивается от стиха из Прорицания Вёльвы:

19. Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль,
древо, омытое
влагою мутной;
росы с него
на доли нисходят;
над источником Урд
зеленеет он вечно.

Несмотря на прямое указание, что Мировое Древо ясень есть — строка «зеленеет он вечно» дает скептикам сомнительное основание для вопрошания или даже утверждения об ошибочности атрибуции Иггдрасиля к дереву рода ясень. Скептики ставят вопрос так: если дерево вечнозеленое, то оно должно принадлежать к хвойным. То есть являться сосной, елью или тем же тисом.

Данный вопрос является ярким примером суррогатной деятельности и подмены понятий. Поэтическое указание «зеленеет он вечно» говорит нам о неизбывной витальности *Axis Mundi*, что изоморфно схожим образам в иных культурах, связанным с фаллической и плодородной символикой, вечной жизнью, неизменностью вертикали духа. Своеобразной женской вариацией здесь можно назвать рог или сноп изобилия — частый атрибут статуй греческих материнских Богинь. Но модерновое сознание воспринимает мифопоэтическое возвели-

чивание Мирового Древа над смертью как буквально прямое указание на сугубо современную, в исторической перспективе появившуюся буквально «вчера», ботаническую категорию вечнозеленых растений, которые не сбрасывают листву.

Соответственно, споры и атрибуция Иггдрасиля к таксономическим Fraxinus, Pinopsida или Taxus не имеют смысла, — ибо, — ботанические наименования, таксономия и определения в целом практически не пересекаются и противопоставлены мифопоэтическим кённингам и тропам.

Ярче всего эта разница видна и подчёркивается на примере цветка эдельвейса. В приальпийской германской культуре цветок Edelweiß — дословно *Благородный белый*, — символизирует труднодоступность и подвиг юноши, который в одиночку покоряет высокие скалы, где растёт этот нежный маленький цветок, чтобы подарить его любимой девушке. Вся сущность эдельвейса — воплощённая в имени и растении мифопоэтика.

Очевидно, что эдельвейс лишь внешне совпадает с ботанической номенклатурой нелепого по своему названию Leontopodium (Львиная лапка). Когда мы говорим об эдельвейсе и о леонтоподиуме — мы погружаемся в радикально различные культурные контексты, даже если внешний наблюдатель может спекулятивно указать нам, что, дескать, «речь всё же идет об одном и том же растении». И всё же — речь

идёт о разных вещах, разных цветках и, шире, разных интеллектуальных вселенных, внутри которых существуют свои полноценные и всеобъемлющие системы классификации и режимы бытия. Первый — мифопоэтический мифологический, традиционный; а второй — выражение рассчитывающего и калькулирующего мышления, поставляющего всё сущее себе в подручное как сухую номенклатуру сырья¹.

Об Иггдрасиле можно сказать соответственно: если мы видим идею Мирового Древа, то, вероятно, им может являться любое дерево вообще. И древние германцы отдавали предпочтение благородному ясеню. Но если некто не способен за деревьями увидеть леса, а за поэтическим оборотом — мифа и метафизики, то споры по таким вопросам неизбежны и это тупик мышления.

Аналогичная структура спора разворачивается вокруг атрибуции тех животных, которые были запряжены в повозку Фрейи — были ли это кошки (семейство Felidae или род Felis), горностаи, ласки или даже росوماхи (все трое из семейства Mustelidae)? Возражения здесь такие же, как и в случае с Иггдрасилем, но их можно проиллюстрировать ещё более наглядно.

Вообразим такого верующего, который убеждён в версии, что в колесницу Ванадис запряжены стро-

¹ См.: Нечкасов Е. «Традиция и футуришок. Образы не нашего будущего».

го горностаи (*Mustela erminea*), а иные версии являются искажениями поздних переписчиков мифов или переводчиков.

И вот, нашему воображаемому персонажу снится явление самой Фрейи во сне, но вот незадача — её повозка запряжена очевидными кошками (*Felis catus*). Как должен поступить этот смущённый персонаж, столкнувшись с тем, что теофания Божества омрачена несоответствием породы священного животного? Логика требует признать, что такой сон и явление Богини — нерелевантны, это ложные миражи и бред, потому что «порода не та; кошки, а не горностаи». Вероятнее всего, он маркирует свой сон [и любой иной сакральный опыт] как субъективный случай «неверифицируемого личного гнозиса», который стоит существенно ниже, чем представление об источниках, сконструированное на основании наукоцентричных и редукционистских гипотез.

Крайне маловероятно, что опыт прямого столкновения заставит поступить обратным образом — поставить под сомнение ботанический и зоологический редукционизм, который преподносится как реконструкция, а на самом деле является завуалированной формой материалистического мышления и расколдовывания мифа и мира.

Такая зацикленность и постановка вопросов демонстрируют интеллектуальные низины, а не высоты. Сугубо вне­традиционный, математически-

модерновый подход к традиции как к труп, который необходимо препарировать, проанализировать (древнегреческое слово *ἀνάλυσις* дословно значит расчленение) и каталогизировать его фасции, жилы, ткани, кости и потроха. Как будто самое познание бытия человека складывается из предельной точности его анатомического атласа; а все люди одинаковые, потому что практически одинаковы внутри анатомически. И, выучив атлас костей и тканей, мы якобы познаем человека. Нет. И точно так же, «разгадав» загадки мифопоэтики через грубый и, зачастую, только гипотетический редукционизм, мы не познаем ни мифа, ни священного, ни традиции.

Мы оставляем и близкий к сказанному выше эвгемеризм в отношении Божеств, как ещё одну историческую форму метариалистического понимания священного. Где под видом «обожествления предков» скрывается очевидная фабула, что Божеств де-факто нет, есть обычные по своим природным свойствам люди, которые в силу своих заслуг были возвеличены в памяти потомков до статуса «сверхестественных героев».

Яркий пример эвгемеризма в германо-скандинавском наследии — версия пришествия асов из Трои, излагаемая Снорри Стурлуссоном в «Младшей Эдде». В этом он следует моде того времени, точнее, устоявшейся историографической и генеа-

логической модели, уходящей своими корнями в иудео-христианство с римским оттенком.

Потомками Энея и троянцев считали себя римляне. Позднее уже династия Меровингов возводила свои корни к Приаму или Энею. От легенд и фальсификаций вокруг Меровингов берёт своё начало эзотерическая христианская концепция франко-израилизма — убеждённости в том, что салические франки, галлы и французы в целом — это потомки либо царя Давида, либо одного из десяти потерянных колен Израилевых. Схожие идеи о древних иудейских корнях есть у британцев, датчан, некоторых африканцев, американцев, русских эзотерических монархистов и других народов. Встречаются утверждения, что германский Туисто был одним из утраченных сыновей Ноя.

Множество спекуляций на эту тему можно найти в оккультной литературе последних веков, мессианских и миллениаристских сектах, а также в популярной литературе (например, в романах Дэна Брауна).

Помимо распространения христианской историографии, причины следует искать также и в политике той эпохи. Так как все европейские королевские династии были основаны германскими родами, то им было необходимо обосновать и продемонстрировать свою преемственность Риму (линия к Энею и троянцам) и одновременно новой Церкви — тоже Риму-Ватикану (иудео-христианская линия, линия Давида).

Отсюда берут своё начало апокрифы, сакральные и тайные генеалогические линии. Например, возведение династии Инглингов к Фрейру (полностью легитимное), а через него — ко всё тем же троянцам и потерянным коленам Израиля (полностью нелегитимное). Но это в целом нормально для переходного периода от мифа к иудео-христианской концепции иероистории и смещения к уровню материальности: не доктрина непосредственной аутентичной (родной) Божественности, но историографический эвгемеризм.

Поэтому апеллировать и защищать троянский миф о происхождении Всеотца означает защищать иудео-христианскую и эзотерико-христианскую концепцию истории, а не германо-скандинавскую традицию и миф.

Но при этом выводить свою генеалогию от Божественного рода — дело легитимное и аутентичное как в царско-властном, так и в духовном измерениях.

Вместе с политическим эвгемеризмом мы оставляем и синкретические заблуждения и дурман фёлькише учений, широко распространенных в Германии конца XIX — начала XX веков. Этот корпус воззрений всецело опирается на вторичный и третичный европейский герметизм и гностицизм, стилистически одобренный обращением к немецкому фольклору и общегерманскому языческому наследию. Не в последнюю очередь под влиянием романтизма и идей «возврата к почве». Тем не менее,

в истории фэлькише учения сыграли роль прекурсора для пред- и послевоенного профанного эзотеризма и псевдо духовности New Age.

Говоря о природе Божеств, мы настаиваем на том, что она не сводится только к олицетворениям сил природы а-la «духовное природоведение»; как не сводится и к сакрально-социальным функциям в обществе. Божественное, безусловно, может проявляться во всём этом, но не исчерпывается и не замыкается на этих уровнях. Говоря прямо — мощь и инфиниция² Божественного охватывает-и-превосходит все частные случаи своих определений и теофаний, и даже сам вопрос своего наличия. Предельным выражением и границей понимания Божественного для человека является его апофатическое измерение, схваченное в апорической максиме: *«Божеству безразлично есть оно или нет»*.

Глубинной основой данных заблуждений и упертости в них, как мы уверены, является *бегство от горькой правды расколдованности мира и отчуждения от священного*. А также банальный психологический мотив утверждения эго, путем настаивания на какой-то субкультурной версии неоязычества. Частных путей выхода из этого тупика может быть множество, но все в сходном направлении или, что корректнее, в одной тональности — в сторону понимания эсхатологии и в рас-

² См.: Нечкасов Е. «К Другому Мифу».

чищении пространства для другой интерпретации и другого мифа. Который бы не слепо копировал умершее, а правильно и полноценно продолжал бы традицию мышления.

Но человек глупый всегда будет настаивать только на какой-то одной ступени понимания и только. Поэтому вполне справедливо замечание, что из тысячи современных язычников и традиционалистов — ни один не будет аутентично вопрошающим из глубинного нерва своего бытия. И хорошо, если из десяти тысяч такой будет один³.

В нашем странствии и вопрошании мы стремимся отодвинуть внешний «викингский» и магический слой понимания Одина-Всеотца и его культуры. Мы интерпретируем полемос как принцип различия, а дар духа и языка как призыв к предельному вопрошанию.

Тропы этого вопрошания — теология и философия, — ведут к той глубине и уединению, куда Всеотец спускается если не в одиночестве, то совсем с немногими; и что исторически почти всегда незаслуженно было на периферии культурного внимания. Наконец, растворяющаяся в лесной чаще тропа ведёт и туда, где не было ещё *даже начала* всего сущего.

В нашем странствии мы опираемся на определённые методы и воззрения.

³ См.: Нечкасов Е. «Триптих боли».